

**«Надя, поплачь...»: заметки о современном
бытовании похоронно-поминальных причитаний
в Чердынском районе Пермского края***

В сборниках фольклора, собранного на территории Пермского края и изданного в 2000-е гг., традиция прикамской похоронно-поминальной причети характеризуется иногда как относительно целостная, изоморфная, мало вариативная [5, с. 60]. Между тем материалы фольклорных экспедиций, проведенных в 1996–2011 гг. сотрудниками лаборатории культурной и визуальной антропологии Пермского государственного научного исследовательского университета (рук. Е. М. Четина) на территории Северного Прикамья, позволяют говорить о существовании нескольких локальных вариантов причетной традиции (по предварительным данным, карагайско-ильинского, чердынского, юрлинско-кочевского — как минимум). Все они заметно различаются по мелодике, набору типичных мотивов («общих мест»), степени импровизационности и связанной с ней форме исполнения (индивидуальная / коллективная). Ряд отличий обусловлен структурой похоронно-поминальной обрядности, также ощутимо варьирующейся на обследованных территориях и связанной, в свою очередь, с этноконфессиональной принадлежностью (русские — коми-пермяки; мирские — старообрядцы).

Сравнительный анализ локальных вариантов прикамской похоронно-поминальной причетной традиции представляется актуальной фольклористической задачей. Наша статья направлена на описание одного из них — чердынского — в том виде, в каком он предстает по записям 2009–2011 гг. В ходе полевых исследований нами были обследованы центральная часть Чердынского района с населенными пунктами по рекам Колва и Вишера (пгт Ныроб, пос. Рябиново, с. Искор, Камгорт, Бигичи, Редикор. Д. Серегово, Урол, Корнино) и его юго-западная часть

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ и Министерства промышленности, инноваций и науки Пермского края, проект № 10-04-82418а/У («Семейная обрядность Северного Прикамья (по следам фольклорных экспедиций И. В. Зырянова»).

© Елтышев С. А., Королева С. Ю., 2012

вдоль Камы (пос. Курган, с. Пянтег. Д. Амбор, Б. и М. Долды, Усть-Уролка, Коэпты, Исток). Материалы экспедиции легли в основу данной работы.

По мнению некоторых специалистов, плачи, «представленные во фрагментарных вариантах конца XX — начала XXI в., вряд ли могут вызвать особый интерес исследователей» [3, с. 67]. Мы бы не стали утверждать это столь категорично; по-видимому, многое здесь зависит от выбранного ракурса. Современные записи позволяют отследить динамику угасания локальной традиции, установить набор типичных для нее формул и мотивов, а также обнаружить, как на их «языке» описываются новые реалии (и какие именно). Наконец, иногда стадия угасания традиции характеризуется любопытными новообразованиями (конечно, речь идет не о тексте причитания, а о новом контексте его бытования).

Как и повсеместно в России, похоронно-поминальные причитания в Прикамье быстро выходят из обихода. В центральной части Чердынского района информанты вспоминают, что плачи можно было услышать еще в 1990-е гг.; за последние 10 лет традиция эта практически угасла. За исключением с. Редикор (территориально тяготеющего к юго-западной части района и входящего в Пянтежское сельское поселение), тексты похоронно-поминальных причитаний записаны здесь только в одном населенном пункте — пос. Рябинино. Три информанта (все — переселенцы из других мест) воспроизвели нам тексты причети и показали, как приблизительно они должны исполняться. В каждом из этих случаев наблюдается разная степень сохранности причитаний и разные формы их актуализации.

Т. Я. Мовчан слышала плачи на похоронах и поминках, но сама их ни разу не исполняла. Записанные от нее тексты сильно трансформированы; по сути, это фрагментированный прозаический пересказ, в котором сохраняются некоторые традиционные формулы: *«Ой, умерла ты, моя голубушка, / Умерла ты, моя кумушка, / Оставила ты малых деточек, / Оставила ты родную сноху, / Сыночка ты на кладбище оставила...»*; *«Ой, кумушка моя дорогая, / Зачем же ты меня оставила одну, / Я ведь старше тебя...»*. Здесь реализуется лишь один мотив — мотив «сиротства» родственников, знакомых и оставшихся без матери детей (см. сходный вариант в сборнике «Голуби на часовенке» [5, с. 65]). Информант не указал, к какой именно части обряда приурочены эти фрагменты, однако ряд поэтических особенностей, таких как инверсии, повторы и обилие усилительных частиц, указывают на повышенный эмоциональный тон, что в большей степени характерно для похоронных плачей. Примечателен

тот факт, что информантка смогла не только воспроизвести слова причитания, но и продемонстрировать, как оно исполняется. Это позволяет охарактеризовать ее как пассивного носителя традиции, который в результате сильного эмоционального потрясения (смерть близкого человека) вполне может исполнить плач публично, в ходе реального обряда.

Второй информант, А. А. Лашкова, переехала в Рябино в связи с замужеством и живет здесь с 1950 г. Эта пожилая женщина — единственная, кто в последние годы «сказывал плачи» (в том числе в 2009 г., когда состоялось наше интервью). Причитаниям она научилась именно в Рябино, так как в Уроле их никто не исполнял: молодое поколение «не интересовалось», а старожилы уже умерли. «Много слов» переняла от двух женщин: одна приезжала из деревни на похороны односельчанина; другая, из с. Редикор, помогала соседке и куме информантки хоронить мужа. По признанию А. А. Лашковой, первый раз она причитала на похоронах сестры, второй раз — когда хоронили куму и близкую подругу Марию (поскольку та *предварительно взяла обещание* обязательно «поплакать» над ней). Больше исполнительница причитать не хочет, мотивируя это тем, что все ее сверстники уже умерли и что «плакать» для нее — слишком «тяжелое занятие». Тем не менее от А. А. Лашковой было записано два похоронных и два поминальных плача, приуроченных к разным стадиям похоронно-поминального цикла (информантка исполнила их в манере, близкой к речитативу).

В тексте похоронных причитаний центральное место занимают мотивы подготовки к «дальней дороге» и переселения в «новый дом» — «без окон, без дверей»: *«Куда же ты снарядилася, / Да куда же ты сподобилася / Из своего теплого гнездышка, / От твоей любимой доченьки / Да любимой сношеньки, / От внучат и правнуков? / Сделали тебе домик без окон да без дверей, / Никогда ты из него не выйдешь, / Никого из нас не увидишь»*. Отдельно следует отметить мотив «вестки-грамотки», характерный для особой разновидности похоронных плачей: его исполняют чужие, пришедшие проститься с умершим, пока гроб еще находится дома: *«Пошлю-ка я с тобой да вестку-грамотку / До родимой до маменьки. / Неси же ты, неси да не урони, / В леса темные да моря синие, / Неси да передай прямо в руки. / Не пером написано да не чернилами, / А слезами моими горькими да по лицу моему белому»*. Исследователь М. Д. Алексеевский отмечает, что «в опубликованных русских причитаниях такой мотив [передачи привета] встречается редко, в то время как для карельской традиции он очень типичен» [1, с. 47]. Что касается Северного Прикамья, мотив «вестки-грамотки» не встречался нам

в Ильинском и Карагайском районах и на территории Коми-Пермяцкого округа (см., к примеру: [4, 2, 9]). В Чердынском же районе, как показали исследования 2011 г., он известен повсеместно, где сохраняется традиция причитаний, о чем будет сказано далее. (Заметим, что сходный мотив, но с противоположной семантикой, зафиксирован на Южном Урале: здесь мать просит «добрых людей» передать умершему сыну «письмы-грамотки», написанные «не пером, не чернилами, / а своими горячими слезьми», но никто этого не делает и сын не шлет ответной «весточки» [7, с. 28–29].)

Плач на 9-й и 40-й дни в исполнении А. А. Лашковой лаконичен (и, по-видимому, воспроизведен не полностью): «Ой, подуйте-ка да ветры буйные, / Да разметите пески желтые, / Грянь гром и молния, / Расколи доску гробовую. / Ой, встань-ка ты, моя родимая мамонька, / Упрись во свои белы рученьки, / Встань на свои резвы ноженьки, / Открой свои очи ясные...» Из всех текстов, записанных от нее, наиболее развернутым является причитание, исполняемое на Семик: «Не спалася темна ноченька да не дремалася, / Ждала я тебя да дожидалася, / Выходила я на широку да на дороженьку, / Смотрела во все четыре стороны, / Ждала да дожидалася. / Выходила я на высокое крылечко, / Выносила я во левой-то руке свечку восковую, / А во правой-то чарочку горькую, / Ждала тебя да дожидалася. / Расплескалася горька чарочка, / Догорела восковая свечка, / А ты не пришла да не села на лавочку тесаную, / Не подошла ко столу дубовому, / Не подала ты никому, ни друзьям, ни товарищам чарочку горькую. / Нет для тебя, видимо, ни входу, ни выходу / Из-под сырой да земли-матушки». Текст этого причитания отличается особой поэтичностью, использованием традиционных символов («свечка восковая», «чарочка горькая»). Относительная легкость, с которой информант воспроизвел плач, свидетельствует о высокой степени устойчивости текста.

В третьем из зафиксированных нами случаев происходит любопытная модификация традиции, возможная лишь в стадии угасания. А. С. Пестереву порекомендовали нам как известную частушечницу и «знатока старины»; в ходе беседы она рассказала о плачах и прочла в речитативной манере несколько фрагментов, практически полностью состоящих из формульных выражений («общих мест»): «Отходили у тебя резвы ноженьки, / Отработали белы рученьки, / Отсмотрели очи ясные... / На кого ты меня покинула... (комментарий информанта: «Это если матери читаешь»)... Ни у края, ни у берегу / Непокрытая хоромина... (это если муж умер)... / Ты куда же это собрался / От родных

да от лета теплого...» К этому же фрагменту, по ее словам, присоединяется мотив вестки-грамотки, если поминают соседей или знакомых: «*Ты неси-ка да вестку-грамотку / Ты моему да другу милому, / Как живу я горе горькое, / Горе горькое, горемычное*». В ходе дальнейшего разговора А. С. Пестерева показала свой «смертный узел» (вещи, приготовленные ею для похорон и хранящиеся в специальном чемодане). Среди положенных туда предметов обнаружилось два листа, один из которых представлял собой ксерокопию печатного текста «Завещание умирающей матери» (современный духовный стих, известный по множеству записей; см., к примеру [8, с. 247]), а второй — рукописный текст похоронного плача. Как оказалось, информантка записала его собственноручно; словам причитания предшествовала приписка, адресованная дочери: «*Надя, поплачь*». Приведем этот текст, сохраняя орфографию и пунктуацию оригинала: «*Ты вставайко родима мамонька. Собрала ли ты дорогих гостей не на пир да не на беседушку. Проводить тебя в последний путь во сырую землю-матушку. Отходили резвы ноженьки отработали белые рученьки, отглядели ясные оченьки. Ты последние часы-минуточки во своем-то да теплом гнездышке*».

Как и в случае, о котором мы узнали от А. А. Лашковой, здесь имеет место *предварительно оставленное завещание* (но не устное, а письменное) «поплакать» на похоронах. Примечательно, что ни дочь А. С. Пестеревой, ни она сама никогда плачей не исполняли; кроме того, информантка не владеет традиционной манерой оплакивания и, соответственно, не может этому научить. Однако наличие самого факта причитания оказывается для нее важнее, чем вопрос о форме его исполнения (дочь может просто *прочитать* записанные слова — публично или наедине с умершей матерью, вслух или про себя). Очевидно, что в этом случае какая-либо импровизационность (считающаяся неотъемлемым признаком жанра [10, с. 104–105]) полностью исчезает, поскольку письменный (фиксированный) текст ее не предполагает. Тенденция к устойчивости причитаний, в частности их перевод в *письменную форму*, уже отмечалась исследователями, изучающими традицию в стадии угасания. Так, на Русском Севере зафиксированы случаи, когда плакальщицы записывают собственные или чужие «слова» после их исполнения [1, с. 43]. Но ситуация, когда текст плача составляется и записывается *предварительно*, причем для исполнения на собственных похоронах, по-видимому, описывается нами впервые.

По степени сохранности причетной традиции от центральной части Чердынского района существенно отличается территория камского правого и левого бережья. Плачи здесь до сих пор исполняются и предполагают

импровизацию; в ряде населенных пунктов (с. Редикор. Д. Коэпты, Усть-Уролка, Б. Долды, пос. Курган) есть женщины пожилого возраста (обычно по одной), которых периодически зовут причитать по умершему (с некоторой долей условности их можно назвать «профессиональными» плакальщицами). С двумя из них, к сожалению, нам не удалось встретиться; с остальными были записаны большие информативные интервью. Кроме того, среди экспедиционных материалов содержится множество рассказов и комментариев, полученных от «непрофессиональных» плакальщиц и свидетелей обряда, благодаря которым можно лучше представить специфику данной микролокальной традиции. Рассказы эти касаются предписаний и запретов, связанных с исполнением плачей, характеризуют «правильную» манеру «приплакивания», отмечают наиболее интересные случаи импровизаций (отражающих конкретные жизненные обстоятельства и потому надолго остающихся в памяти присутствовавших). Собранные материалы находятся в стадии обработки и осмысления; здесь мы представим небольшую их часть, дающую общее представление о традиции и степени ее сохранности (тоже, конечно, сильно нарушенной — даже по сравнению с серединой прошлого века).

Важно отметить, что в юго-западной части района плохо налажено транспортное сообщение с центром (г. Чердынь); особенно актуальна эта проблема для жителей камского правобережья, представляющего собой относительно изолированный куст деревень, которые объединены в единое Усть-Урольское сельское поселение (с административным центром в пос. Курган). Возможно, в связи с этим современная городская культура медленнее вытесняет из местного обихода элементы традиционной обрядности. Так, обращает на себя внимание большая — по сравнению с центральной частью района — дифференцированность обрядовой терминологии. Если в Рябинино и его окрестностях исполнение похоронно-поминальной причеты обозначается словами «плакать» и «плачи сказывать», то здесь эти выражения обозначают только причитания невесты на девичнике (о которых в центральной части района уже практически не помнят); плач же «по покойнику» называется словом «приплакивать»; смешения разных наименований информанты старшего возраста не допускают.

На территории камского левобережья нами было выявлено два значимых для изучения причетной традиции информанта: это Ю. М. Габова и М. К. Шишигина, проживающие в с. Пянтег. Обе не являются «профессиональными» плакальщицами, однако от них было записано по несколько текстов причитаний и подробные комментарии, касающиеся

бытования жанра. По словам Ю. М. Габовой, она часто слышала причитания на похоронах в д. Шишигино (правый берег), куда вышла замуж. Сама «приплакивала» дважды — по матери и мужу. Традиционно считается, что на похоронах и поминках причитать должны сами родственники («чужих людей» приглашают «сказывать плачи» на девичнике перед свадьбой). Особенность исполнения причитаний определяется характеристикой, которую информантка дала голосу причитающего: он должен быть «мертвецким» (т. е. плачущим): *«Ну дак не так же высказывашь, как щас говоришь, конечно. Как вроде плачешь <...> Такой голос, как мертвецкой, выводишь. Сам уж такой голос выводишь»*. При этом Ю. М. Габова, как и другие жительницы здешних мест, подчеркивает импровизационный характер плачей: *«Кажный свое горе по-своему выговариват. Плачет и высказыват. Кажный свое»*. Знание разнообразных традиционных формул и способность импровизировать она связывает с особым талантом, который есть не у всех: *«Ну вот кто такой талантливый, дак много че присказыват, умеет кто говорить. <...> Просто талантливые есть, а есть, которы ниче не знают, так просто так плачут, ниче не говорят»* (высоко оценивают способность импровизировать и другие информанты). Поскольку интервью проходило в ситуации, далекой от реального обряда, записанный от Ю. М. Габовой текст похоронного плача «свернут» до набора типичных формульных выражений: *«Мамонька, ой, да ты моя роди-имая! / Ты ну куда это уе-ехала? / С кем же ты меня, да мамонька, оста-авила? / <...>* (далее говорит обычным голосом). *Всем своим кумушкам-подруженькам ты накажи, чтоб меня никто не обижал, детей моих никто не обижал...»* (если плач адресован мужчине, упоминаются «друзья-товарищи»). Более развернутым (и, по-видимому, более устойчивым) является текст поминального причитания, которое исполняется дома на 9-й и 40-й дни: *«Вот собрала я тебе поминочки, / <Созвала дорогих гостей> / Наварила я тебе пиво пьяное, / Напокупала тебе вино горькое, / Я тебя ждала еще, дожидалася, / Выходила я да на круто крыльцо, / Смотрела я да на четыре-те стороны, / Все тебя ждала да дожидалася... / <...> В правой-то рученьке у меня была чарочка, / А в левой-то рученьке да у меня горела свеченька. / Чарочка-то у меня да расплескалася, / А свечечка-то у меня да потухалася»*. Здесь ситуация несостоявшейся встречи реализуется с помощью уже известных мотивов «расплескавшейся чарочки» и «потухшей свечи» — по-видимому, типичных для данной микролокальной традиции (см. текст А. А. Лашковой). Привела Ю. М. Габова и фрагмент семикового плача, исполняемого на кладбище: *«Гряньте, громы громкие, / Расколите вы да*

гробовую доску. / Выйди-ка ты, родима мамонька, / <Расскажу я тебе все горе> / Погляди-ка ты на все четыре стороны, / Как гуляют твои кумушки-подруженьки / <...> Никто уж не пожалеет, / Никто меня не встретит, / Никто меня не проводит».

Интересным образом были записаны причитания от М. К. Шишигиной, уроженки д. Яранина, проживавшей после замужества в д. Печинки (обе — на правом берегу). Поначалу она сообщила, что плачей не знает, и лишь после нескольких бесед неожиданно рассказала, как «приплакивала» по первому мужу: *«Дорогой мой, милая моя ладушка, / Пришла смертынька, окоротила тебе резвые ноженьки, / Оборвала белые рученьки. / Вставай-ка, милый ладушка, / Открой-ка очи ясные, / Вставай-ка на резвые ноженьки, / Упирайся на белые рученьки, / Погляди-ко, все приехали / Да все друзья твои товарищи / <...> Пришла весна красна, / Прилетели гуси-лебеди, / Пташечки да куропташечки. / Ты пошел да не по той пути-дороженьке... / Да во сырую мать-земелюшку / Из своей да светлой горенки, / Из своего да тепла гнездышка»* (мотив оставленного «тепла гнездышка» и «не той пути-дороженьки» фиксировался здесь ранее: [5, с. 60]). Упомянула информантка и «вестку-грамотку», передачу которой местные жители воспринимают как реальный акт коммуникации с умершим: *«У кого какое горе — так и высказывают. Вестку-грамотку да че да передают. <...> Пример вот, умер: “Передай-ко да вестку-грамотку, как живу да я да маюся <со своим да милым дитятком>, скажи да расскажи моей-то да милой ладушке”. Он и рассказыват. Да, на том свете. Иишет ее и рассказыват!»* По-видимому, установление подобного контакта до сих пор во многом определяет прагматику этой разновидности похоронного плача и способствует его популярности на обследованной территории.

О том, как умерший «получил» подобную «вестку-грамотку», рассказала «профессиональная» плакальщица В. И. Шаламова, жительница правобережной старообрядческой д. Усть-Уролка: *«...у меня мама померла и во сне мне не виделась. Когда она <еще> не умерла, она сказала: “Я тебе, Валя, во сне сниться не буду, потому что мне отец видится во сне, дак к беде, не буду тебе <сниться> ни к плохому, ни к хорошему”. А тут умирает у Анны Александровны <соседки> мама. Ну, я вот так же тетке Насте поприплакивала, говорю ей: “Тетка Настя, вот передай там мамке, да расскажи, как я живу, пускай-ка она привидится мне во сне. Да расскажу ей, какое у меня горе”. Сын у меня был в армии, и мне тогда было так тяжело! И она ведь мне в ту ночь привиделась во сне. А Сережка у меня сын <был>, вперед же утонул, и она вещи*

детские вешает. Я говорю: “Ты что?”. А она: “Дак я же с Сережей вожусь”, — типа того, что Сережа со мной. И вот так я с ней наговорила, и вот с той поры она больше не видится мне во сне». В данном случае потребность «поговорить» с покойной матерью была вызвана драматичными жизненными обстоятельствами (гибель маленького сына, призыв в армию старшего, затяжная болезнь самой информантки); примечательно, что «вестка-грамотка», переданная «на тот свет», способствовала тому, что умершая мать единственный раз «нарушила обещание» и приснилась дочери.

В. И. Шаламова — самая молодая из плакальщиц, о которых нам довелось узнать (ей 55 лет). Жители Усть-Уролки и соседних деревень считают ее довольно талантливой исполнительницей причитаний (одним из показателей мастерства является для них переданная «вестка-грамотка» с последующим сном). Правда, представители старшего поколения отдают предпочтение покойной А. Ф. Сторожевой: «Ее слова даже в книжке напечатали» (в действительности, из 4 опубликованных плачей Фокеевне принадлежит лишь один [5, с. 67]; по-видимому, помимо объективного мастерства умершей, на восприятие старожилов влияет авторитет, которым пользовалась А. Ф. Сторожева, а также тот факт, что ей посвящена вышедшая недавно книга [6]). Говоря о плачах, пожилые старообрядцы подчеркивают их «необязательный» характер в структуре похоронно-поминального обряда («лучше помолиться за умершего, его душе больше пользы будет»). В. И. Шаламова тоже отмечает необходимость молитв, однако субъективно «приплакивания» для нее очень значимы, что, возможно, обусловлено индивидуальными жизненными обстоятельствами: *«Горе заставило приплакивать»*.

Причитать она начала после смерти сестры, в 23-летнем возрасте; слова в основном переняла от мамы. В дальнейшем «приплакивала» на похоронах матери, сына, многих близких людей, некоторых маминых сверстниц. Информантка говорит об особой манере, которая требуется для исполнения плачей: *«Нет, нет, не так ведь, как обычно говоришь, и не так, как поешь. А приплакивать совсем по-другому, конечно. Не с отрывами, но и не так, как песня поется»*. В ходе интервью, однако, от нее были записаны самые краткие и фрагментарные тексты, что объясняется, во-первых, высокой степенью импровизированности ее причитаний, а во-вторых, потребностью в особом эмоциональном состоянии, которое дает только реальный обряд: *«Мне надо если над кем-то, так не смогу»*. Примечательно, что на территории Чердынского района — в отличие, к примеру, от Карагайского — ни один информант не мотивировал отказ

исполнить причетъ опасением «накликать смерть», хотя подобные представления фольклористы привыкли считать едва ли не универсальными.

Итак, различная степень сохранности похоронно-поминальных плачей в Чердынском районе Пермского края в немалой мере обусловлена географическим фактором, в частности налаженностью транспортного сообщения с районным и краевым центрами. В населенных пунктах, расположенных по трассе Рябиново — Чердынь — Ныроб, причетная традиция почти сошла на нет; один из последних случаев публичного оплакивания умершего датируется 2009 г. При этом стадия угасания традиции характеризуется здесь специфическими явлениями: плачи исполняются по предварительному устному или письменному «завещанию» родственников и друзей; зафиксирован случай самостоятельной записи причитания, которое нужно произнести на похоронах; импровизационность практически утрачивается, тексты тяготеют к устойчивости. Факт исполнения причитаний воспринимается сельчанами среднего возраста уже как редкий, даже экзотичный случай. Иная картина наблюдается в юго-западной части района, удаленной от центра: здесь плачи бытуют более интенсивно и включают элемент импровизационности; помимо более разнообразного «фонда» типичных формул, сохраняется комплекс предписаний и запретов относительно ситуаций исполнения (нельзя «плакаться» в воскресенье / на 9-й день / с наступлением темноты), а также представления о нормативной манере «приплакивания» («мертвецкий» голос). Можно говорить, что для сельчан пожилого возраста этот жанр по-прежнему выполняет наиболее характерные функции, в числе которых психотерапевтическая (проживание ситуации горя с наименьшими для психики последствиями) и своего рода «коммуникативная» (установление нормативных контактов с загробным миром).

Список информантов

Габова Юлия Михайловна, 1935 г. р., род. в д. Мелехина Чердынского р-на, проживает в с. Пянтег; записано там же в 2011 г.

Лашкова Анфиса Александровна, 1930 г. р., род. в д. Б. Урол Чердынского р-на, проживает в пос. Рябиново; записано там же в 2009 г.

Мовчан Тамара Яковлевна, 1941 г. р., род. в д. Кушпелёва Чердынского р-на, проживает в пос. Рябиново; записано там же в 2009 г.

Пестерева Анна Сергеевна, 1932 г. р., род. в д. Аниковская Чердынского р-на, проживает в пос. Рябиново; записано там же в 2010 г.

Шаламова В. И., 1956 г. р., род. и проживает в д. Усть-Уролка Чердынского р-на; записано там же в 2011 г.

Шишигина Мария Кондеевна, 1937 г. р., род. в д. Яранина Чердынского р-на, проживает в с. Пянтег; записано там же в 2011 г.

1. *Алексеевский М. Д.* Похоронно-поминальные причитания Русского Севера: проблемы собирания и современное состояние традиции // Актуальные проблемы полевой фольклористики. Сыктывкар, 2008. Вып. 4. С. 36–45.

2. *Бахматов А. А., Подюков И. А., Хоробрых С. В., Черных А. В.* Юрлинский край: Традиционная культура русских конца XIX–XX вв. Кудымкар, 2003. С. 149–197.

3. *Иванова Т. Г.* Фольклор похоронно-поминальных обрядов // Живая старина. 2010. № 3. С. 66–68.

4. *Подюков И. А.* Карагайская сторона: Народная традиция в обрядности, фольклоре и языке. Кудымкар, 2004. С. 179–196.

5. *Подюков И. А., Хоробрых С. В.* Голуби на часовенке: Сказки и песни деревни Усть-Уролка. Пермь, 2009. С. 59–67.

6. *Подюков И. А., Чагин Г. Н., Шляхова С. С.* Фокеевна : док. повесть. Пермь, 2009.

7. Похоронно-поминальные традиции на Южном Урале / авт.-сост. Т. И. Рожкова, С. А. Моисеева. Магнитогорск, 2008.

8. Фольклор Судогодского края. М., 2001.

9. *Четина Е. М., Роготнев И. Ю.* Символические реальности Пармы: Очерки традиционной культуры Пермского края. Пермь, 2010. С. 189–214.

10. *Чистов К. В.* Причитания у славянских и финно-угорских народов (некоторые итоги и проблемы) // Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982. С. 101–114.

Н. С. Журавлева

г. Челябинск

Первый съезд писателей Урала 1934 г.

В процессе оформления советской литературы многие современники и исследователи ключевое значение придавали I Всесоюзному съезду писателей (17 мая — 1 сентября 1934 г.), завершившему процесс унификации художественного метода (соцреализм) и организационной формы коллективного творчества в виде Союза советских писателей (ССП). Для избрания его делегатов прошли областные и республиканские съезды писателей: 1 представитель от 10 членов местных СП. Право быть избранным и выбирать получили «писатели, беллетристы, поэты,